А. В. ПОППЭ

Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба*

15 июля 1015 г. не стало киевского государя, введшего Русь в семью христианских народов. Итоги охватившего более трети столетия правления выглядят внушительно. Военно-политический союз с Византией 987 г., обеспечивший Македонской династии императорский престол, скрепленный религиозно-церковными и династическими узами, придал княжеской власти на Руси державный характер. Христианизации страны, ускоренной волей Владимира, в ее основных центрах содействовала существенная византийская помощь, поощряемая багрянородной супругой князя Анной, даже в далекой Антиохии прослывшей своим храмостроительством в новообращенной Руси. Еще при жизни Владимира общавшийся с ним в 1008 г. Бруно Кверфуртский, выдающийся своим рвением «покорить истинному Богу» все народы Европы, епископ-миссионер, высоко оценил апостольский подвиг русского князя, приравнивая его к деяниям Константина Великого и Карла Великого.[1] Спустя десятилетия, в 35-ю годовщину кончины Владимира, отмечая у мраморного саркофага усопшего князя, вероятно, в воскресный день 15 июля 1050 г его память, пресвитер Иларион, прославляя и приравнивая Владимира к Константину Великому, обосновывал идею его равноапостольной святости и стремился придать отмечаемой годовщине кончины «великого кагана» характер празднования памяти почитаемого и причтенно-

* Представленная тут попытка реконструкции политических и церковно-религиозных событий XI в базируется на восходящих к концу 1950-х гг исследованиях автора, посвященных борисоглебской тематике Результаты второго этапа этих изысканий излагались Poppe A Spuścizna po Włodzimierzu Wielkim Walka o tron kijowski 1015—1019 // Kwartalnik Historyczny 102 Warszawa, 1995 N 3/4 S 3—22, Поппэ А О зарождении культа свв Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // Russia Mediaevalis Munchen, 1995 8/1 S 21—68, где ссылки на историографию вопроса и на ранние труды автора по теме Это позволяет автору не отягощать статьи лишними сносками Настоящий итоговый опыт завершает третий этап исследований автора

[1] Poppe A 1) The Political Background to the Baptism of Rus' Byzantine-Russian Relations between 986—989 // Dumbarton Oaks Papers Washington, 1976 30 P 197—244 (популярное изложение без аппарата в сборнике Как была крещена Русь 2-е изд М , 1990 С 202—240), 2) How the Conversion of Rus' was Understood in the Eleventh Century // Harvard Ukrainian Studies 1987 Cambr Mass 11 P 187 —302, Поппэ А Князь Владимир как христианин // РЛ 1995 № 2 С 35—46

© А В Поппэ 2003

го к сонму святых крестителя Руси. Однако по обстоятельствам, о которых будет упомянуто далее, причтение Владимира к лику святых в смысле соответствующей церковной процедуры не состоялось; растущий же неприметно культ просветителя земли Русской привел к исходу XIII в., в условиях монгольского засилия, к восприятию почитания Владимира как святого с незапамятных времен. Память же о насаждавшей веру христианскую вместе с равноапостольным князем его царственной супруге, судя по полному и, казалось бы, непонятному умолчанию Иларионова «Слова о Законе и Благодати», канула безвозвратно в небытие уже в первой половине XI столетия.[2]

И вот это ознаменованное чрезвычайными в историческом масштабе успехами правление завершается явным бунтарством двух старших и гибелью двоих младших сыновей Владимира и разразившейся в его племени междоусобицей, потрясавшей устои молодой государственности в течение десятилетия. Знаменательно, что в многолетней борьбе за киевский стол ни один из князей не выступил под знаменем вероотступничества, хотя язычество в широких слоях населения было далеко не искоренено. Христианство на Руси не началось, но основополагалось государственным актом Владимира, и 28 лет его внедрения при нем определили неотвратимость перемен.

Насаждение веры Христовой на Руси предшествовало государственному акту 988 г., а личный пример Владимира вызвал подражание, захватывая общественные верхи, их немалочисленную дружину и челядь, а также весомую часть населения городских центров. Глубина преобразований стала очевидна даже на полоцком княжьем дворе, где и в 30-е гг. XI в. еще не перевелись волхвы и волхвования, но надежды воинственных полоцких князей на защиту от Ярославова племени возлагались на христианское вероучение и назидание. Не случайно Всеслав Полоцкий одним из первых начнет почитать своих погибших родичей, Бориса и Глеба, и не случайно на Полоцк простиралась благосклонность Киево-Печерского монастыря.

На вопрос, почему погибли, а точнее, были потаенно убиты Борис и Глеб, мы находим простой и убедительный ответ в посвященных им произведениях· зачинщик убиения, их брат Святополк, желал захватить всю власть на Руси, лишая жизни всех своих братьев. Но там не найти ответа на вопрос, почему старший из сыновей Владимира, Святополк, которому по старшинству полагался киевский стол, едва заняв его, поручает убить именно Бориса и Глеба, хотя по своей молодости они не угрожали праву Святополка на Киев Разве что в порядке престолонаследия произошли изменения, которые и в летописи, и в их житиях обойдены молчанием. Примечательно, что, кроме обоих сыновей Владимира «от болгарыни», никто из ожесточенно борющихся за Киев его сыновей, включая и «окаянного» изгнанника Святополка, не был лишен жизни,[3]

---

[2] На текст «Слова» ссылаюсь по изданию Молдован А М Слово о законе и благодати Илариона Киев, 1984 С 78—100

[3] Летописное сообщение о гибели третьего Владимирова сына Святослава, появившееся в летописном тексте не ранее исхода XI в , следует считать недостоверным в свете показания Нестора-агиографа, который около 1080 г подчеркивал, что намерению Святополка извести других братьев после убийства Бориса и Глеба не суждено было сбыться

хотя из того, что известно о Судиславе, четверть века заключения могло стать уделом и этого князя.[4]

Убийство князей Бориса и Глеба было сугубо политическим преступлением, и к тому же тот факт, что они были убиты врасплох подосланными убийцами, а не в схватке, в борьбе за власть и жизнь, придал вынесенному им приговору и его не встретившему сопротивления исполнению черты мученичества, подвига смертной жертвы. И не случайно со временем в молодом христианском обществе смерть князей-мучеников, отказавшихся от сопротивления и борьбы за власть на земле в пользу Царствия Небесного, была воспринята как проявление истинной веры, требующей подтверждения слова делом, как безвинная жертва проникнутых духом христианского вероучения страстотерпцев, на деле засвидетельствовавших последование Христу. И поэтому тайный смертный приговор, хотя и был мотивирован политически, в живом предании об обстоятельствах его проведения и поведении жертв стал восприниматься как мученичество за веру, как подвиг страстотерпцев Христа ради, скреплявших своею кровью акт рождения христианской Руси.

Оформление этого предания в письменном виде и введение культа новоявленных святых Бориса и Глеба в церковно-религиозную жизнь страны произошло в пределах того же XI столетия. Сокровенную тайну безвременного ухода из жизни Бориса и Глеба, спорные обстоятельства и время признания их святыми мы попытаемся разгадать далее, но одно не вызывает сомнений· страстотерпцы Христа ради князья Борис и Глеб, пострадавшие за воплощение идеалов христианского вероучения в жизнь, уже в XI в. стали неотторжимым достоянием христианской Руси.[5]

* * *

Предание о князьях-мучениках — Борисе, во крещении Романе, и Глебе, во крещении Давиде, запечатлели посвященные обоим святым агиографические произведения:[6]

---

[4] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ Л , 1926 Т 1 Стб 151, 162, 163

[5] В подтверждение мнения, что Борис и Глеб не были воспринимаемы на Руси мучениками за веру, ради Христа, иногда ссылаются на то место Патерика, где упоминаются епископы, вышедшие из монахов Печерской обители Среди них назван епископ ростовский Леонтий «И се третии гражданин бысть Рускаго мира с онема Варягома венчася от Христа, его же ради убиена быста» (Патерик Киевского Печерского монастыря Изд Д И Абрамович СПб , 1911 С 76) Следует помнить, что уже в XIII в , когда Симон и Поликарп обменивались посланиями, затрагивающими историю Печерского монастыря, и по XX в принято было считать, что Ростовская епархия была основана при крещении Руси, на исходе X в , и тогда понятно, что Леонтий Ростовский воспринимался третьим святым мучеником за веру вслед за пострадавшими в канун крещения Руси отцом и сыном из варягов (см ПВЛ под 983 г) Ошибочный вывод — результат сочетания двух разных точек зрения на время учреждения епископии в Ростове, которое, как установлено, следует отнести к началу 1070-х гг См Приложение к кн Щапов Я Н Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв М , 1989 С 211

[6] Тексты публиковались многократно, все вместе изданы Абрамович Д И Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им Пг , 1916 (репринт Мюнхен, 1967)

1. анонимное Сказание страсти и похвала святых Бориса и Глеба (далее — Сказание страсти), составленное около 1072 г. и дополненное;

2. Сказание чудес святых Романа и Давида (далее — Сказание чудес), составленное в пределах 1072—1073 гг. и продолженное около 1116 г.;[7]

3. Чтение о житии и погублении и о чудесах святых мучеников Бориса и Глеба (далее — Чтение), вышедшее из-под пера Нестора-агиографа около 1080 г.;[8]

4. древнейшая Служба святым Роману и Давиду (далее — Служба), составленная около 1084 г.;[9]

5. летописные статьи 1015, 1072 и 1115 г. г., находящиеся в составе Повести временных лет.[10]

Независимо от точки зрения на происхождение летописного рассказа «о убиении» Бориса и Глеба и их житий, а также их соотношение, летописная статья 1015 г. посвящена гибели уже признанных святых князей-страстотерпцев, и ее изложение и построение носят ярко выраженный агиографический характер.[11]

Учитывая, что наши сведения о событиях жизни, гибели и зарождении почитания Бориса и Глеба связаны с прославляющими их подвиг и святость произведениями, мы не должны упускать из виду, что агиография является частью истории. Помимо отсутствия в ней хронологической, топографической, а отчасти и фактографической определенности и наличия обобщений, диктуемых традицией, воспринимаемых как антиисторизм, агиография является историографической конструкцией с присущей ей идейной задачей, в нашем случае религиозно-политического разряда. Попросту говоря, тексты агиографического жанра не перестают оставаться первоклассным историческим источником и

---

[7] Poppe A Opowieść o męczenstwie i cudach Borysa i Gleba Okoliczności i czas powstania utworu // Slavia Orientalis 18 Warszawa, 1965 S 287—292, 353—382

[8] Poppe A Chronologia utworow Nestora-hagiografa // Slavia Orientalis 14 Warszawa, 1965 S 287—305

[9] Поппэ А О зарождении С 31—45

[10] Лаврентьевская летопись Стб 130—141, 181—182, 290, Ипатьевская летопись // ПСРЛ СПб, 1908 Т 2 Стб 115—129, 171—172, 280—282 О вторичности летописной статьи 1072 г см Poppe A Uwagi o najstarszych dziejach Kościoła na Rusi Cz 3 // Przegląd Historyczny 56 Warszawa, 1965 S 560—563

[11] В текстологическом плане основное расхождение сводится к отношению между анонимным Сказанием страсти и летописным рассказом под 1015 г Признание первоначальным Сказания страсти позволяет объяснить соотношения последующих борисоглебских памятников в пределах переданной нам традиции (аргументацию см Поппэ А О зарождении) Выдвижение на первый план летописного рассказа диктует потребность гипотезы о соединении в нем двух утерянных текстов светской и агиографической повестей, и истолковывать в таком порядке возникающие сомнения Эта точка зрения полнее всего разработана в трудах Л Мюллера (Мюллер Л О времени канонизации св Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis München, 1995 8/1 S 5—21, где упомянуты и более ранние труды автора) См также Мюллер Л Понять Россию историко-культурные исследования / Сост Л И Сазонова Авторизованные переводы с немецкого языка М, 2000 С 71—87 Обзор состояния изучения см Подскальски Г Христианство и богословская литература в Киевской Руси СПб, 1996 С 184—197

подлежат, согласно правилам исследовательского ремесла, источниковедческой обработке, как и всякий другой привлекаемый историком материал. Впрочем, историографии средних веков не подобает отмежевываться от житийной письменности, ибо она, как и последняя, — и весьма литературна, и весьма назидательна, морализирующа и риторична.

Определив подход, приемы и ход наших рассуждений, мы вправе отказаться от полемики и изложения наших источниковедческих разысканий, отсылая к опубликованным нами исследованиям, дабы, учитывая их итоги, дерзнуть воссоздать по сохранившимся следам, кроха по крохе, узлы событий, которые привели к крушению плана Владимира изменить порядок престолонаследия и сквозь преходящее поражение и забвение — к небесному торжеству и духовному покровительству святых князей земли русской.

* * *

Согласно достигнутому ранней осенью 987 г. соглашению, русский князь, завершив к исходу того же года срок оглашения и приняв 6 января 988 г. таинство святого крещения, летом 988 г. встретил у днепровских порогов багрянородную невесту и обвенчался в Киеве христианским браком. «Цесарица» Анна, как называет ее летопись, «дщерь Священной империи», как назвал ее будущий папа Сильвестр II, сестра предержащих власть византийских императоров Василия II и Константина VIII, стала единственной законной супругой Владимира. Родившейся 13 марта 963 г. Анне к моменту замужества шел 26-й год, — она была несколькими годами моложе Владимира, и нет оснований предполагать, несмотря на отсутствие непосредственных данных, что эта чета оставалась бездетной. Более того, загадочно умолчание летописи об Анне, упомянувшей ее лишь в рассказе о крещении Владимира и в сообщении о ее кончине в 1011 г. Это умолчание особенно странно в «Слове о Законе и Благодати», где накануне своего поставления в митрополиты киевские Иларион, прославляя Владимира и не забыв упомянуть его отца Святослава, деда Игоря и бабушку княгиню Ольгу, а также сына Ярослава с его женой Ириной и их чадами, ни словом не обмолвился о царственной супруге прочимого им в святые государя. А произносил ведь свою похвалу Иларион, стоя над мраморным саркофагом Владимира в княжьем соборе — Десятинной церкви, где еще в августе 1018 г., как известно из хроники Титмара Мерзебургского, посреди храма рядом покоился прах его византийской супруги.[12] Вероятно, к середине XI в. саркофаг Анны с центрального места под куполом храма был сдвинут под спуд. Создается впечатление, что как саму Анну, так и ее совместную с Владимиром просветительскую деятельность в новообращенной стране пытались, и со значительным успехом, предать забвению.

---

[12] Текст, перевод и комментарий «русских» сообщений епископа Мерзебурга см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 131—205, особенно с. 136, 141, 178—179.

Косвенные улики позволяют полагать, что Владимир с Анной не были бездетны. Веские данные дают основание видеть их дочь в Феофане, супруге новгородского посадника Остромира, названной так по матери Анны, императрице Феофано. Именно благодаря супруге, тетке Изяслава Ярославовича, Остромир стал его свойственником.[13] Подозрения и догадки насчет царственного происхождения Бориса и Глеба высказывались издавна. Уже в XV столетии летописец тверской утверждал· «...да от царевны Анны Борис и Глеб». Обстоятельно оговаривал такую возможность С. М. Соловьев, отмечая, что она прояснила бы многое в событиях того времени.[14]

Единственным же источником, отчетливо намекающим на царственное происхождение Бориса, следует признать замечание автора древнейшей Службы: «...цесарьскыимь веньцемь от уности украшен пребогатыи Романе: власть велия бысть своему отечьству и всеи твари».[15] Это крестильное имя Борис мог получить по отцу Анны, императору Роману II, княжье же имя Бориса — в честь крестителя Болгарии Бориса-Михаила или современника Святослава, царя Бориса II. Борис-Роман родился около 990 г., когда Василий II, при действенном соучастии русской дружины, начинал завоевание Болгарии, и ее будущее не было предрешено. О нем рассуждали и в Царьграде, и в Киеве Есть основания приписывать Анне и Владимиру план обеспечения болгарского стола своему первенцу.[16]

Имя же библейского царя Давида, в те времена воспринимавшегося как образец христианского властителя (каждого византийского императора прославляли как «нового», «второго» Давида), данное Глебу, рожденному около 1000 г., проливает свет на планы матери. Прожив годы в Киеве, Анна прекрасно осознавала, что появление мужского потомства от ее освященного церковным бракосочетанием с Владимиром союза выдвигает на повестку дня вопрос о престолонаследии. Для цесарицы Анны было очевидным, что Владимиров стол полагался в наследство ее царственной крови сыновьям, и она прекрасно понимала, что без борьбы это право не удастся претворить в жизнь. Библейский Давид, олицетворявший царскую власть, вступил ведь на престол не как

---

[13] Поппэ А Феофана Новгородская // Новгородский сборник 1997 Сб 6 С 102—120 Родильный возраст женщины в средневековый период доходил до 42 лет, а нередко и больше Образ питания имел тут существенное значение Даже способ приготовления пищи (например, входящие в употребление в X и XI вв чугунки) мог обогащать организм железом См Post J B Ages at Menarch and Menopause Some Medieval Authorities // Population Studies A Journal of Demography 25 1971 N 1 P 83—87, Frish R E Population, Food Intake, and Fertility // Science 1978 P 22—30, Bullough V, Cambell C Female longerity and diet in the Middle Ages // Speculum Cambr, Mass, 1980 55 P 1317—1325 Итак, можно считать, что родившаяся в 963 г Анна могла беременеть по крайней мере до 1007 г и, вероятно, около этого времени родила Феофану, а несколькими годами ранее — Глеба

[14] Соловьев С М История России М, 1962 Т 1 С 204, примеч 290

[15] Абрамович Д И Жития С 136—137

[16] Не говоря о давних болгарских планах Святослава, следует помнить о родственных связях Анны с болгарским домом (через бабушку Елену Лакапину) Несуразным, вопреки достоверности источников, выглядит мнение П Димитрова (Годишник на Софийския Университет София, 1993 85 С 49—83), считающего Анну дочерью Бориса II и лишь кузиной императоров Василия II и Константина VIII

законный наследник, но как избранник и помазанник Божий в результате единоборства с Голиафом. В чувственном восприятии Анны как матери это имя имело характер хранящего сына наузафилактерия. Стремление королевы-матери обеспечить трон своим сыновьям было столь обычно (например, матери Карла Лысого),[17] что это желание следует впрямь признать морально-политическим императивом. Византийский институт цесаря-соправителя подсказывал, как гармонично сочетать интересы обоих сыновей Владимира и Анны.[18] Именно обеспечение несовершеннолетнему Глебу места соправителя, т. е. и прямого наследника, объясняет, почему подосланные исполнители приговора вслед за Борисом «заклали» юного князя.

* * *

На стремление, в первую очередь Анны, византинизировать наследование киевского стола указывает еще одна существенная подробность, не обратившая на себя достойного внимания.

Вступление князя на стол в христианской Руси стало торжественной религиозно-церковной церемонией. Обряд настолования князя совершался в той основной части храма, где находился княжий стол-трон. Можно обоснованно утверждать, что церковная практика церемониала при посажении на трон в своих существенных чертах была воспринята в готовом виде, привнесенном на Русь багрянородной супругой киевского государя.[19]

Но если так успешно внедрился на Руси христианский обряд интронизации, то возникает вопрос, почему не привился в Киеве обряд венчания на княжение, тем паче что уже в X в. варвары-язычники, в том числе и русы, восприимчивые к знакам царского достоинства, добивались, впрочем, безуспешно, в Константинополе царственных одеяний и венцов. Но настали иные времена. Попав в христианизирующийся Киев, багрянородная василиса не желала снисходить до положения архонтисы, но стремилась возвести своего супруга в равное ей достоинство, венчая его главу стеммой. Это не ставило русского князя на равную ногу с императором Ромеев, но обозначало место рядом с ним в семье христианских государей. Раз признанными в Константинополе венчанными василев-

---

[17] Ср Temp E Die Uberlieferung der Vita Hludovici imperatoris des Astronomus / MGH Studien und Texte Hannover, 1991 Bd 1 S 141—142, fn 306, Rudolfi Glabri Historiarum Libri Quinque / Ed and transl J France Oxford, 1989 P 150—159

[18] О византийской практике соправительства, повлиявшей несомненно на взгляды Анны, см основательное исследование Kresten O, Müller A E Samtherrschaft, Legitimationsprinzip und Kaiserlicher Urkundentitel in Byzanz in der ersten Hälfte des 10 Jahrhunderts // Österreichishe Akademie der Wissenschaften, Sitzungsberichte Wien, 1995 Bd 630 S 1—43 Подчеркиваемая агиографами юность Глеба, учитывая древнерусские данные, позволяет считать, что Глеб не достиг зрелости, совершеннолетия, но уже вышел из отрочества Следовательно, ему было меньше чем 18, но и не меньше чем 14 лет Сравнительный материал см Hofmeister A Puer, iuvenis, senex Zum Verstandnis der Mittelalterlichen Altersbezeichnungen // Papstum u Kaisertum Paul Kehr [Festschrift] Munchen, 1926 S 287—316

[19] Poppe A The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th Byzantine Congress Abstracts of Papers Washington D C, 1986 P 272—274

сами могли стать болгарские цари Симеон и Петр, то тем более такая честь полагалась киевскому государю — супругу «дщери Священной империи». Киев не отрекался от такой чести, чему свидетельство золотники и серебреники, на которых Владимир изображался с византийскими императорскими регалиями: в стемме-венце с крестом посередине, с подвесками по сторонам, на троне, с нимбом вокруг головы и скипетром в руках.[20] Исследователи расходились во мнениях касательно изображений на Владимировых монетах, но преобладало мнение, что подражания византийским номизмам Василия II и Константина VIII не отражали действительности княжеских знаков власти. Эту точку зрения следовало бы признать весьма обоснованной, исходя из соображения, что, раз заполучив царственные регалии, от них так запросто не отказываются, да и к тому же так, что не остается никаких следов.

Но тусклые следы прослеживаются на монетах, чеканенных сыновьями Владимира: Святополком-Петром и Ярославом-Георгием. Независимо от разных монетных типов они в одном отличаются: на части монет Святополк изображен в короне, на троне со скипетром (ок. 25 монет), на части же (ок. 45 экземпляров), также продолжающей чекан Владимира, вместо князя с монаршими регалиями изображен святой патрон Святополка, апостол Петр. На всех монетах Ярослава портрет князя заменен изображением св. Георгия, во имя которого был крещен Ярослав. Выходит, что Святополк со временем, а Ярослав изначально отреклись от чести быть изображаемыми на монетах с царственными регалиями, а также от них самих.[21] По-видимому, Святополк в первое свое княжение в Киеве с июля 1015 г. по декабрь 1016 г. еще продолжал сохранять Владимирову чеканку на монетах, вводя лишь свое имя, вернувшись же в Киев в августе 1018 г., он начал чеканить новый тип монеты с изображением св. Петра. Не касаясь тут других причин быстрого исчезновения чеканки собственной монеты после кончины Владимира, в изменениях на монетах Святополка и Ярослава следует усматривать действительный отказ от поступивших из Византии царственных регалий, воспринимаемых как неотъемлемая составная часть византинизации киевского престолонаследия.

Можно догадываться, что оформленное хлопотами Анны Владимирово завещание позволило еще при их жизни укрепить решение о престолонаследии торжественным поставлением Бориса и Глеба византийским обычаем в соправители, причем самой интронизации сопутствовало венчание на княжение. Рюриковичи, согласные в сохранении династической традиции права старшего в престолонаследовании, пресекая в корне попытку его византинизации, искореняли ее следы и в знаках княжеской власти. На небытие в первую очередь

---

[20] Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог X—XI вв. Л., 1983. С. 115—200. Известно 340 монет с 220 штемпелями. В большинстве (75%) — это Владимировы серебреники. Показательно, что резчики Владимировых штемпелей заимствовали подробности с разных императорских образцов.

[21] Две недавно опубликованные печати подтверждают наблюдения, сделанные на основании монет. Печать Святополка из Вышгорода в венце с державой в руке и Ярослава из Новгорода, где князь изображен с усами в княжеском корзне, в шлеме. См.: Янин В. Л. Две древнерусские вислые печати начала XI в. // Археологические вести. СПб., 1998. № 5. С. 205—211.

был обречен царский венец, а затем забыт так основательно, что столетия спустя, когда в Москве решили ввести чин венчания на царство, книжники в поисках традиции в родном прошлом связали свое новшество с внуком императора Константина IX, Владимиром Мономахом.

* * *

Хотя агиографа мало интересовало происхождение перечисляемых сыновей Владимира по матери (кроме Рогнеды Полоцкой), он вскользь, но намеренно назвал мать Бориса и Глеба «Болгарыней». Анна была, понятно, гречанкой, но агиограф то ли не знал об этом, то ли, не желая нарушать запрет, воспользовался слышанным ее обиходным прозвищем, которое не обязательно должно было служить определением этнической принадлежности. Императора Василия I, основателя Македонской династии, недоброжелатели, правда, с опаской, прозывали «Славянином». Византийскую императрицу Марию, грузинку по происхождению (1070-е гг.), ее византийские современники звали «Аланкой».[22] Анну уже в Константинополе могли звать в народе «Болгаркой», да и в Киеве нашлись этому основания. Известно, что император Никифор Фока, желая заполучить в 968 г. благосклонность болгар, выражал готовность обручить с болгарскими княжнами обоих юных багрянородных василевсов Василия (II) и Константина (VIII). Тем более он или последовавший за ним Иоанн Цимисхий (968—976) мог помолвить их сестру Анну с болгарским престолонаследником.[23]

Эти мимолетные дипломатические хитросплетения рухнули, но прозвание «Болгарыня» могло прильнуть к Анне. К тому же во влахернском дворце Анна имела возможность в течение нескольких лет общаться с упомянутыми болгарскими царевнами, а также с именитыми заложниками Борисом и Романом, сыновьями царя Петра, внучатыми племянниками Романа Лакапина, следовательно, и ее далекими родственниками. Несомненно, дети (девочкам было не более 7—10 лет) щебетали меж собою, и Анна, к тому времени 7 лет, могла подучиться славяно-болгарскому языку, тем более что этот язык не был чужд во дворце. Попав в Киев, Анна могла сохранять свое болгарское произношение, и поэтому для киевлян стала «Болгарыней». Не будет также лишним напомнить, что брат бабушки Анны, паракиноменон Василий, образованнейший человек своего времени, доверенное лицо императоров по 985 г., один из наиболее влия-

---

[22] The Oxford Dictionary of Byzantium 1991 Vol 2 P 1298, Tobias N Basil I (867 - 886) The founder of the Macedonian Dynasty New Brunswick 1969 P 2—18, Shboul A M N Al -Mas'udi and his World London, 1979 P 251, 277

[23] Кое-что на этот счет проскальзывает в весьма, впрочем, легендарной форме во «Всеобщей истории» армянского историка Стефана из Тарона (Асохика) Кн 3 § 22 (см в русском переводе Н Эмина М , 1864), во французском переводе F Macler Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes Paris, 1917 Vol 18 bis P 124—125 Даже если признать такую помолвку скандальной, то во всяком случае не исключительной См Shepard J A marriage too far? Maria Lekapena and Peter of Bulgaria // The Empress Theophano, Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium / Ed A T Davids Cambridge, 1995 P 121—149 Заметим, что попытка «раскрыть» смысл именования агиографом матери Бориса и Глеба «Болгарыней» не имеет прямого отношения к основному положению наших рассуждений о багрянородной Анне как матери Бориса и Глеба

тельных дворцовых сановников, родился от матери болгарки. Епископ Лиутпранд, уполномоченный посол Оттона I, возмущался в 968 г. тем, что на приеме во дворце болгары пользовались особенным вниманием и положением.

Упоминание матерей сыновей Владимира понадобилось агиографу, дабы намекнуть читателю, что мать прославляемых им святых князей-мучеников была христианкой. Убийца же их Святополк был «от греховного кореня»: его мать была расстриженной монашенкой, наложницей братьев-язычников Ярополка и затем Владимира. Наконец, назвав четырех сыновей от Рогнеды, он явно напоминал, что старшие братья Бориса и Глеба были от связи Владимира до святого крещения.

* * *

Итак, по нашему предположению, на протяжении лет под влиянием багрянородной супруги и ее византийских придворных, не без участия дворцового духовенства, утверждалась мысль, что единственными законными наследниками престола являются сыновья Владимира от «дщери Священной империи». Факт же их кровного родства с Македонской династией, осознание того, что их дядей был сам император Василий, — все это должно было решающим образом влиять на вызревание политического завещания Владимира. Оно должно было обеспечить рожденным от Анны сыновьям, Борису и Глебу, киевский стол и верховные права на всю Русь, в то время как остальные его сыновья должны были бы довольствоваться периферийными уделами без каких-либо видов на Киев. Такой распорядок престолонаследия был, пожалуй, готов вскоре после 1008 г., коль скоро осенью 1008 г. Владимир послал к печенегам в качестве заложника своего старшего, а, возможно, второго по старшинству сына, если жив был еще Вышеслав, — Святополка.

Политическому решению киевского государя, еще при жизни Анны, т. е. до 1011 г., по византийскому образцу, сопутствовала церемония настолования, а быть может, и венчание на киевское княжение Бориса-Романа как прямого наследника Владимира и Глеба-Давида как соправителя. Во всяком случае, к моменту смерти киевского князя при нем в Киеве был «цесарьскыимь веньцемь от уности украшеныи» Борис,[24] и ему поручил отец противодействовать печенежским набегам. Это было важным указанием на то, что Владимир назначил своим наследником Бориса.[25]

---

[24] Если буквально воспринять указание автора Службы, то следует считать, что Борис стал соправителем отца в юношеские годы, т е до начала возмужания (с 7-го по 21-й год жизни)

[25] Грушевський М Історія України—Руси 3-е изд Київ, 1913 Т 1 С 532, Львів, 1905 Т 2 С 4—5 А В Назаренко в своих очерках международных связей Руси IX—XIII вв , подводящих итоги 20-летних исследований, уклонился от разбора положения о багрянородной Анне как матери Бориса и Глеба, оставаясь в том основном русле историографической традиции, которая исключает земные судьбы этих обоих сыновей Владимира Великого из исторических событий начала XI в и отводит им обеспеченное агиографией место святых подвижников См гл X о борьбе сыновей Владимира за Киев в 1015—1019 гг Назаренко А В Древняя Русь на международных путях М , 2001 С 449, 451—504

* * *

После женитьбы ок. 1011 г. на дочери Болеслава Храброго Святополк обосновался в полученном от отца Пинско-Туровском уделе. Видимо, в связи с ослаблением «византийской партии» после смерти Анны среди сыновей Владимира от не освященных церковью браков назревало брожение. Само церковное бракосочетание, обязательное к тому времени в верхних и в значительной мере средних слоях византийского общества, было в остальной христианской Европе далеким от осуществления, и все еще преобладала давняя традиция брака без участия священника и вне церкви (иногда с его благословением на дому). Следует помнить, что в этом традиционном порядке принадлежность к династии, к княжьему дому, за редчайшими исключениями, определялась по отцу, а не по родительнице. Ведь сам князь Владимир, рожденный от связи Святослава с придворной ключницей Малушей, не лишился от этого своих наследственных прав, хотя не только в Полоцке не забывали, даже спустя полтора столетия, кольнуть этим потомков «робичича», т. е. сына рабыни.

Протест против решения отца перерос в заговор обойденных. Его участниками были Святополк и Ярослав и, вероятно, также державший далекую Тмутаракань Мстислав. О поведении остальных сыновей Владимира ничего не известно. Узнавший о сговоре Владимир успешно противодействовал в первой половине 1013 г., заключив в темницу Святополка. То, что он лишил свободы также жену Святополка и епископа Рейнберна, позволяет сделать вывод, что, подобно Титмару, киевский властелин подозревал, что Болеслав Храбрый поддерживает заговорщиков. Во всяком случае, летом польский князь вторгся в киевские пределы, но вооруженное столкновение с союзниками Святополка, печенегами, имевшими намерение действовать заодно, обрекло поход на неудачу. В этом походе, а затем в походе на Киев в 1018 г. участвовали саксонцы, благодаря которым так неплохо был осведомлен в Мерзебурге хронист Титмар. Вероятно, это был отряд, посланный шурином Святополка, майсенским маркграфом Германом, супругом Регелинды, родной сестры жены Святополка.[26]

Подготовляемый Владимиром на 1014 г. поход на Новгород с целью призвать к послушанию строптивого Ярослава, который, по словам С. М. Соловьева, «не хотел быть посадником Бориса в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым», не состоялся. Почти 60-летний князь киевский начал болеть. Так как причиной намеченного похода был отказ Ярослава уплатить полагающуюся в Киев с Новгорода ежегодную дань, то следует принять, что новгородский князь уклонялся от посылки отцу упомянутых двух тысяч гривен уже в 1013 г. Ярослав имел основания выражать свое недовольство, поскольку, хотя в данный момент право на киевский стол наследовал самый старший из сыновей, т. е. Святополк, решение Владимира пресекало и ему какие-либо виды на Киев в будущем. В связи с предпринятыми Владимиром против Святополка и Ярослава шагами показательно другое сообщение Титмара, что Владимир

---

[26] Подробнее см.: Poppe A. Spuścizna... S. 14—15, 21.

«совокупность своего наследия оставил двум сыновьям, тогда как третий пребывал в заключении» (кн. VII, 73).[27] Толковать Титмара, не учитывая уже сказанного, можно по-разному, тем более что и сведения саксонского хрониста отрывочны. Но вес их достоверности особый, так как эти данные появились в хронике из-за обеспокоенности Титмара судьбой его собрата и друга епископа Рейнберна, угодившего во всю эту авантюру и не пережившего своего заключения. Сама запись позволяет судить, что Титмар располагал этим известием еще при жизни Владимира, а во всяком случае, узнав о смерти киевского князя, он не был осведомлен об освобождении Святополка. В свете того, что нам известно, показание Титмара подтверждает суть завещания Владимира в пользу обоих сыновей от Анны.

К моменту кончины Владимира в роли соправителя в Киеве находился Борис, и весть о смерти отца застала его в походе против печенегов, беспокоивших своими набегами Киев, возможно, под предлогом защиты их заключенного побратима Святополка Находившиеся под командованием Бориса «вои многи» готовы были, согласно переданной традиции, обеспечить князю вступление на «стол отень».

Во дворце пытались утаить кончину Владимира до возвращения Бориса с дружиной (это место летописи неясно, ибо в утаении до времени был заинтересован и Святополк), но освобожденный своими сторонниками из киевской темницы Святополк тотчас же вступил на киевский стол. Он немедленно посылает к Борису, выражая готовность заключить союз, Глеба же зовет к больному в Киев, скрывая, что отец уже умер. Тот факт, что Святополку удается склонить на свою сторону дружину и воинов, оставивших своего командира и законного по воле Владимира престолонаследника, несомненен. Вопрос лишь в том, произошло ли это, как повествует Житие, в результате отказа Бориса от киевского стола, дабы избежать распри, или Святополку удалось переманить на свою сторону находящуюся в походе с Борисом дружину, и последний, покинутый воинами, учитывая создавшееся положение, решил отказаться от престола и признал право старшего брата на киевский стол. Это право так существенно для агиографа, он так навязчиво подчеркивает признание Борисом старшинства и права Святополка на стол киевский, что не остается сомнения, что он обращается уже к аудитории, не всегда разделяющей эту точку зрения, и что он сам горячий сторонник традиции наследования стола в династии по старшинству.

Из событий 1015 г следует, что судьба Бориса и Глеба была предрешена независимо от их поведения. Если агиографическая традиция сохранила действительные даты, то их потаенное убийство было совершено 24 июля и 5 сентября 1015 г. Эта радикальная развязка была признана единственной пресекавшей в корне всякую дальнейшую попытку византинизации престолонаследия. Хотя в житийных повествованиях зачинщик этого преступления назван и решитель-

---

[27] Integritas hereditatis suae, т е полностью все наследство, ср Назаренко А В Немецкие *латиноязычные источники С 136, 174*

но осужден, следует обратить внимание, что убийцы были подосланы и действовали «отай», т. е. секретно, потаенно, так что в первые годы после гибели Бориса и Глеба подлинные подстрекатели оставались неизвестны, и само исчезновение братьев было до времени скрыто. На это указывает и то, что о кровавой расправе в русской династии ничего не знали побывавшие в Киеве саксонцы, ибо Титмар, узнав о ней, не преминул бы лишний раз укорить нелюбимого им Болеслава за покровительство зятю-братоубийце. Торжественная встреча, уготованная в августе 1018 г. Святополку с участием киевской знати, части княжьей семьи, в том числе 9 дочерей Владимира, киевского митрополита, встречавшего и чествовавшего прибывших в сопровождении духовенства в полном облачении, с мощами святых, вынесенными крестами и иконами, и затем настолование Святополка в праздник Успения в Десятинной косвенно свидетельствуют против того, что в это время Святополк был признаваем братоубийцей. Христианский характер княжеского сана и предержания власти требует подтверждения в храме Божием, и митрополит с духовенством не уклонялись от сопутствующих настолованию священнодействий. Нет оснований снимать с прозванного «окаянным» обвинения в братоубийстве, следует, однако, подчеркнуть, что братья были убиты подосланными злодеями из-за угла. Ходившие на эту тему слухи, по-видимому, не были однозначным обвинением Святополка, если вообще этот вопрос в ближайшие годы после гибели Бориса и Глеба ставился. Итак, церковные власти не имели в 1018 г. оснований отказать Святополку в праве переступить порог храма, т. е. наложить запрет на участие в церковной жизни до принесения публичного покаяния, как это случалось не раз и с византийскими императорами.

Но, даже относясь крайне критически к официозному обвинению Святополка в убийстве Бориса и Глеба, отметим, что вероятность именно такого обвинения находит подтверждение в том, что Владимирово завещание о престолонаследии в первую очередь отстраняло Святополка от полагавшейся ему власти в Киеве. Но следует заметить, что в физическом устранении сыновей мачехи Анны были заинтересованы все члены династии, желавшие сохранения традиционного порядка престолонаследия и осуждавшие попытку его византинизации. Итак, не снимая обвинения со Святополка, следует обратить внимание на то, что в рассказах об убийстве Бориса и Глеба, хотя с точки зрения писавших виновник преступления налицо, настойчиво проводится мысль, что подосланные убийцы действовали скрытно, с обязательством хранить все совершившееся в тайне. В династии не были готовы выносить тайну преступления на белый свет. Прошли годы, прежде чем об этом начали поговаривать. В житиях же, помимо некоторых недосказанностей, выражена точка зрения, признанная властями.

О самой смерти Глеба долго ничего не было известно, и он просто мог считаться, так сказать, пропавшим без вести. Знаменательно и желание агиографа видеть в исполнителях приговора нехристиан либо «кривых», «неправых» христиан. Глеба зарезал повар Торчин. Имена четырех названных вышгородцев с уменьшительными суффиксами указывают на пришлых (Талець — пленник, Ляшько — от лях?, Еловець?, Путьша — путный княжий служка, но также

пришелец, а не просто ли бродяга, шатающийся по дорогам?). В летописной статье пренебрежительное, презрительное отношение к вышгородским злодеям добавочно подчеркнуто заменой «мужь» на «болярьць».[28] Знаменательно, что Бориса добивают мечами два варяга, что и позволило предполагать соучастие Ярослава, опиравшегося на наемную варяжскую дружину. Исключить этого нельзя, ибо введение на сцену варягов не случайно. Но, учитывая время составления борисоглебских произведений, в этом могло проявиться лишь желание указать на то, что выполнявшие повеление Святополка не были правоверными христианами, а «кривоверными», какими начинают тогда считать варягов, исповедовавших латинскую веру.[29]

Существенно отметить, что Борис и Глеб погибли не на брани, не в защиту завещанных им отцом прав на киевский стол, а были убиты потаенно, скрытно. Это и предрешало, независимо от их душевного состояния, то, что они не оказали сопротивления нападающим. Этот момент, запечатленный в предании, и мог послужить благообразным и благотворным зачином осмысления гибели Бориса и Глеба в духе христианского смирения и вероучения. С религиозно-нравственным началом в межкняжеских отношениях того времени было связано начало политическое, четко выраженное в заявлении Бориса в адрес Святополка, севшего на киевский стол после смерти отца: «Ты ми буди отець, ты ми брат и стареи». Этих слов не следует приписывать изобретательности агиографа, они взяты из княжьего обихода. Покинутый дружиной Борис осознавал невозможность и безуспешность борьбы за власть и, что еще важнее, быть может, не желал решаться на такой шаг. Агиограф лишь объяснил этот выбор, видя в нем сознательное следование князя Христу. И вот в сопоставлении всех этих фактов, домыслов и душеспасительных устремлений и осмыслялся религиозно-политический эталон поведения князей-мучеников. Это не было приноравливанием вероисповедания к злободневным политическим ситуациям, но востребованием истинной религиозности, захватывающей и государственную, и общественную сферу княжеской власти, а в первую очередь — межкняжеские отношения.

Но прежде чем быть выраженным, это отношение вызревало в придворных и церковных кругах Руси и вылилось в почитание положивших свою жизнь «любви ради Христовой», во имя осуществления христианской духовности, веры и морали не только на словах, но и на деле.

Но пока принесенная Борисом и Глебом жертва не была распознана, сам факт их убийства скрывался. Шла с переменным успехом борьба за киевский стол, но теперь уже между Святополком и Ярославом. Десятилетиями позднее агиограф будет оправдывать выступление Ярослава против Святополка для

---

[28] Лаврентьевская летопись. Стб. 132.

[29] См.: «Симон <...> иже быв преже варяг, ныне же благадатью Христовою христианин, научен быв святым отцем нашим Феодосием, оставив латынскую буесть...» (Абрамович Д. Киево-Печерський патерик. У Києві, 1931. С. 5). Антилатинская полемика, пока что ограниченная средой духовенства, в первую очередь монашества, выступала на Руси начиная с 60-х гг. XI в. См.: Подскальски Г. Христианство... С. 280—303.

устранения его с киевского стола как исполнение кары Божьей за пролитие братней крови. Ярославу удалось к исходу 1019 г. успешно изгнать побежденного Святополка из Киева, где постоянные набеги его побратимов-печенегов лишали его более широкой поддержки. Но еще в 1022 г. Ярослав отправился к Берестью, окраине Турово-Пинского княжества, где, благодаря польской поддержке, все еще обладал властью Святополк. Вероятно, в союзе со Святополком, пользуясь тем, что Ярослав занялся киевскими делами, полоцкий князь Брячеслав «воевал», т. е. разграбил, Новгород. Ярославу не удалось утвердиться на киевском столе полностью. Ярославово право на этот стол оспаривал Мстислав Тмутараканский, бывший, пожалуй, вопреки утверждению летописца, по возрасту старше Ярослава. В 1023 г. он предпринял, при поддержке касогов и хазар, поход против Ярослава. В Лиственской битве в 1024 г. Мстислав, уже признанный северянами черниговским князем, победил. Спустя два года, в 1026 г., было заключено соглашение, согласно которому земли на восток от линии Днепра достались Мстиславу, на запад, вместе с Киевом — Ярославу. Но Киев до 1036 г. не был постоянным местом пребывания Ярослава, предпочитавшего столице свой Новгород, и лишь после смерти Мстислава и разгрома печенегов под Киевом для города открылся период бурного развития, градо- и храмостроительства. Тут следует обратить внимание на загадочный, но и проливающий достаточно света на борьбу между сыновьями Владимира за киевский стол эпизод с Судиславом. Став в 1036 г. единодержцем Руси, Ярослав обеспечивает себе полную власть на Руси (за исключением Полоцкого княжения), отправив в псковскую темницу единственного оставшегося в живых брата — Судислава. Где княжил до того Судислав, остается тайной (не в счет смехотворное предположение, которое место заключения отождествляет с местом княжения). Ясно одно: Судислав предъявлял свои права на юге, вероятнее всего, на Чернигов, после Мстислава. Ярослав весьма опасался неожиданного соперника. Об этом свидетельствует и то, что до конца своих дней его продержали в темнице, и прошло еще 5 лет с лишним, прежде чем наследовавшие Ярославу сыновья в 1059 г. после 24 лет пребывания дяди в порубе решились его освободить с большой опаской. И чтобы предупредить всякие поползновения «искати стола», ему велели присягать на кресте и постригли в монахи. И только смерть Судислава в 1063 г. вполне успокоила предусмотрительных Ярославичей. Двадцативосьмилетнее обособление Судислава от «мира сего» показывает, до чего исключительным было убийство Бориса и Глеба. Ярослав и его сыновья действительно крайне опасались предъявления Судиславом его весьма веских прав — это не подлежит сомнению. Но они не осмелились поднять руки на брата и дядю. Изменились ли так нравы? Скорее всего, положение дел с престолонаследием было совершенно иным. Византинизация киевского престолонаследия лишала, за исключением Бориса и Глеба, всех потомков Владимира киевского стола, тогда как в соперничестве между князьями выдвигались и опротестовывались права отдельных князей и их племени, а не всех членов династии. Но и физически устраняя Бориса и Глеба, и сам зачинщик, и потворствующие его начинанию члены династии не решились на гласность, долго

скрывая тайну преступления. В 1063 г. ее унес с собой в могилу последний из сыновей Владимира, знавший ее во всех подробностях.

* * *

Одно несомненно: стремление Ярослава обеспечить своим потомкам право на княжение. Это проявляется ярко не только в казусе с Судиславом, но и во введении ктиторского портрета Ярослава и его семьи в программу фресковой росписи Софии Киевской. Помещенная напротив мозаики с евхаристической процессией апостолов, устремленных ко Христу, фреска, изображающая Ярослава и супругу Ирину с их потомством, приносящих Христу в дар в 1037 г. начатый и к 1046 г. завершенный собор Премудрости Божьей, выражала небесное благоволение в поручении Русской земли Ярославу и его потомкам.[30]

1036 год был поворотным в правлении Ярослава; именно с этого года он почувствовал себя вполне киевским князем, наследником и продолжателем дела Владимира. С большим размахом было развернуто строительство новых городских укреплений, охвативших площадь в 70 гектаров (город Ярослава всемеро больше Владимирова города), и грандиозное храмостроительство во главе с Софией, с четко выраженным стремлением уподобить Киев Царьграду, что и было отмечено в Западной Европе. Вмешательство во внутренние дела империи — отправка в 1043 г. вооруженной помощи решившему захватить трон василевсов Георгию Маниаку — правда, было неудачно. В Константинополе заметили, что Ярославу не чужда мысль выступать в той роли, которую сыграл в истории Империи Ромеев его отец, но все же заключили в 1046 г. мирный договор, восстанавливавший отношения и закреплявший союз помолвкой дочери императора Константина Мономаха со Всеволодом Ярославичем. От заключенного около 1050 г. брака и родился в 1053 г. Владимир Мономах.[31]

Устанавливая в те годы путем бракосочетаний сыновей и дочерей связи с владетельными домами Европы и укрепляя международные позиции своего племени, Ярослав не мог не задумываться над вопросами престолонаследия. Стремясь наделить всех своих сыновей, он думал о создании такого равновесия, которое могло бы воспрепятствовать новой братоубийственной брани. В памяти Ярослава и его сыновей оживали картины борьбы за Киев после 15 июля 1015 г. и потускневший, но не забытый образ междоусобицы, разразившейся после смерти Святослава Игоревича между его сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром и стоившей жизни двум первым. Наконец, вопиющим упреком совести оставался томившийся в темнице Судислав. Преобладал политический императив, требовавший прежде всего учета интересов Ярославова племени.

---

[30] Poppe A 1) The Building of the Church of St Sophia in Kiev // Journal of Medieval History 1981 N 7 P 15—66, 2) Christianity and Ideological Change in Kievan Rus' // Canadian-American Slavic Studies 1991 N 25 P 21

[31] См Литаврин Г Г Византия, Болгария, Древняя Русь М , 2000 С 229—276, где и предшествующая литература вопроса

И не случайно по почину Ярослава оживает в династии древнее культовое явление — родопочитание. Христианский обычай поминовения усопших содействовал его христианизации, вводя ежегодное памятствование в службу той церкви, где был захоронен тот или другой князь. В родопочитание вписывалась и княжеская антропонимия, т. е. мотивируемое интересами династии или ее ветви воспроизведение имен ближайших и дальних родственников. Имянаречение подчеркивало связь с предком: благожелательность, простирающуюся вплоть до наследования вместе с именем прав умершего родича в общем властвовании Русской землей и в частном владении ее уделами.

Ярким проявлением такого родопочитания было перенесение останков братьев Владимира, убитого им Ярополка и убитого последним Олега, из их курганных могил, крещение их праха и захоронение под сенью княжеской усыпальницы — Десятинной церкви в 1044 г.[32] Крещение костей лиц, умерших язычниками, было не в духе церковных правил, но случалось, должно быть, и в самой Византии, судя по напоминанию о древнем запрете еще в IX в. В новообращенной стране такое неофитство заслуживало понимания.[33] Тут налицо освященное церковью родовое почитание, хотя о зарождении какого бы то ни было религиозного культа не могло быть и речи. И то, что останки Ярополка и Олега захоронены были под полом церкви, указывает, что оказанная им как членам династии честь не связывалась с какими-либо церковно-религиозными намерениями их почитания. Вскоре же, вероятно, около 1047 г., когда у Изяслава Ярославича и его супруги Гертруды Олисавы родился первенец, он был назван Ярополком и крещен с именем Петра.[34] Родившийся в 1052 либо 1053 г. сверстник Владимира Мономаха, сын Святославов, получил имя Олега, в крещении Михаила. Сразу же после этого Всеволод Ярославич дает родившемуся «от цесарицы» сыну имя Ярополкова и Олегова брата Владимира. Тут, впрочем, дело обстоит сложнее, ибо годом раньше умер в Новгороде внук великого Владимира Владимир Ярославич, и при именовании могли иметь в виду и родного дядю Мономаха.

Наречение именем родича-предка подчеркивало связь с ним, получение его посмертной благожелательности вплоть до наследования династических прав

---

[32] Любопытная попытка объяснить «и крестиша кости ею» не как таинство крещения а просто как обряд освящения, т е покропления их праха святой водой, исходит из лишенного доказательств предположения, что и Ярополк, и Олег были христианами См Korpela J «I krestiša kosti eju» Zur Vorgeschichte des Märtyrer-kults von Boris und Gleb // Jahrbücher fur Geschichte Osteuropas Wiesbaden, 1988 46 S 161—176

[33] Характерна тут скандинавская аналогия, хотя каменная надпись не упоминает о крещении останков Король Дании Гаральд Синозубый († 985), сын Горма, объединив страну и крестив ее, в построенной в Jelling церкви похоронил в 959 г своих родителей, умерших в язычестве (после 936 г), причем Горм отличался преследованием христиан См Ehrhardt H Gorm der Alte // Lexikon der Mittelalters Munchen, 1989 Bd 4 S 1561

[34] Изображения этого князя и его матери Гертруды, дочери польского князя Мешко II и Рихезы — внучки Оттона II и знаменитой Феофану, известны из Тревирской псалтыри с записанными в ней молитвами русской королевы См ее замечательное издание Psalterium Egberti Facsimile del ms CXXXVI del Museo Archeologia Nazionale di Cividale del Friuli a Cura di Claudio Barberi Venezia, 2000, fig 43, 44

умершего. Иногда такое имянаречение совершалось в обход прямых потомков и было как бы программным заявлением претензий на наследование, обоснованное родовым правом династии. Например, претензии Ярослава на включение Полоцка в пределы своей власти явно обозначились в 1024 г., когда Ярослав нарек своего второго сына именем покойного брата Изяслава († 1001), основателя полоцкой ветви династии, устанавливая как бы особую с ним связь. Не был ли поступок Ярослава ответом на поход полоцкого князя Брячеслава Изяславича на Новгород в 1021 г.?

Почти полвека спустя именно Изяслав Ярославич заявляет свои права на Полоцк, назначая на полоцкий стол сына Мстислава. Тот же Изяслав другому своему сыну, рожденному в 1050 г., дал имя Святополка (в крещении Михаила). Это указывает на то, что к тому времени имя «окаянного» еще не было одиозным, каким постепенно стало, когда Борис и Глеб были причтены к сонму святых. Казалось бы, странно, почему Изяслав выбрал для сына имя врага своего отца в борьбе за киевский стол. Однако родопочитание в пределах династии исключало обращенную в прошлое недоброжелательность. Когда Ярослав сажал Изяслава на Турово-Пинское княжение, оба прекрасно помнили, что Ярославич наследует удел своего дяди Святополка, получившего его от отца — Великого Владимира. И именно для подтверждения своих родовых прав и прав своих наследников на это княжение Изяслав, «возрождая» имя Святополка, тем самым ввел покойного дядю в число покровителей своего потомства, за которым надолго утвердились права на Туров. С видами на будущее давал тот же Изяслав своему сыну, рожденному до брака с Гертрудой (?), имя Мстислава, косясь, по-видимому, на не занятый с 1036 г. черниговский стол. Представление о преимущественном праве на наследование своему дяде перед его прямыми потомками-изгоями ясно выступало в политике Всеволода как князя киевского (1078—1093) по отношению к Ростиславичам. Впрочем, оно уже сказалось, когда Всеволод родившемуся в 1070 г. сыну дал имя Ростислава, три года спустя после смерти Ростислава Владимировича (февраль 1067 г.). Замечательно и то, что последний, третируемый дядьями Ярославичами как изгой, пытался обосноваться в Тмутаракани, но еще до ухода из Новгорода на юг в 1064 г., питая скрытую надежду на новгородский стол и помня о родопочитании, он дерзновенно назвал своего первенца именем новгородского князя Рюрика. Ростислав, возводя родоначальника династии в покровители своего сына, метил и высоко, и далеко не случайно: ведь другие возможности включить своего потомка в покоящиеся на родовой основе межкняжеские отношения путем имянаречения были исчерпаны Ярославовым племенем.

Еще в 1027 г. Ярослав дал своему третьему сыну имя в честь своего деда Святослава Игоревича, а в 1038 г. — своему младшему — имя прадеда Игоря. Этими имянаречениями Ярослав подчеркнул свою прямую связь со «славным Святославом» и со «старым Игорем», и эту преемственность не преминул отметить Иларион. Поминание родичей и молитвенная связь с ними должны были служить нерасторжимости кровного единства живых и усопших.

Итак, четко прослеживается общая для Ярослава и его сыновей политика обеспечения родовых прав Ярославова племени (в ущерб другим ветвям дина-

стии) на «землю русьскую» в широком понимании всей подвластной роду князей «русьских» территории. До и после 1050 г. в семьях Ярославичей появляются имена князей, права которых, по-видимому, не угасли с их смертью, а продолжали оставаться родовыми потестарными символами, воздействуя на политические программы и их осуществление.[35]

* * *

Разумеется, что среди всех этих родопочитаемых имен не могли не появиться имена Бориса и Глеба. Должная забота была проявлена в отношении их захоронений, по-видимому, во время, близкое перенесению останков Ярополка и Олега в 1044 г., во всяком случае, уже после 1036 г., когда «Ярослав прея вьсю волость Русьскую».[36] Борис сразу же после убийства был потаенно похоронен в Вышгороде «у црькве святааго Василия, в земли». До 20 мая 1072 г. его мощи находились в деревянном гробу и лишь тогда были переложены в каменный саркофаг — «раку камяну». Сложнее обстояло дело с установлением места захоронения Глеба на Смядыни у Смоленска. Вероятно, тогда-то перевезенные в Вышгород останки Глеба были сложены в каменную раку, в которой и находились в 1072 г. Глеб был похоронен в земле рядом с Борисом, а не под полом церкви св. Василия. Следовательно, останки Бориса и Глеба не удостоились такого же почитания, как останки Ярополка и Олега. Захоронения Бориса и Глеба оставались под спудом до времени, когда сгорела церковь св. Василия.

Княжеские и христианские имена погибших в 1015 г. обоих князей начинают появляться в династии во второй половине 40-х гг. XI в. Среди сыновей Святослава первенцем признается Глеб, год рождения которого точно неизвестен, но родился он не ранее 1047 г. и не позднее 1050 г. Святослав сидел в то время в Вышгороде,[37] т. е. в какой-то мере участвовал в перенесении праха Глеба, позаботился и о положении его в каменную раку и отметил это событие, дав первенцу имя своего дяди. Тут подтверждается, кроме того, что дата перенесения останков Глеба со Смядыни близка к дате захоронения Ярополка и Олега в Десятинной церкви. Разумеется, в проводимой Ярославом идее единения живых и усопших родичей в Ярославовом племени Владимировы братья как наследники славного Святослава Игоревича заняли первоначально более почетное место. Иначе говоря, в то время, когда останки Глеба переносили со Смядыни в Вышгород, чтобы похоронить рядом с братом Борисом, об их религиозном почитании еще не было речи. Косвенно на это указывает и Сказание страсти, отмечая,

---

[35] О родопочитании и княжеской антропонимии подробнее см Поппэ А О зарождении С 56—67 См также Сазонов С В «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII—XV вв // Россия в X—XVII вв Проблемы истории и источниковедения (Чтения памяти А А Зимина) М , 1995 С 508—517

[36] Сказание страсти // Абрамович Д И Жития С 48

[37] После смерти Владимира Новгородского в 1052 г и связанными с этим перемещениями на уделах Святослав мог получить Владимир-Волынский

что многие не знали даже о их погребении в Вышгороде. Но о своих покойных дядьях не забывал племянник Святослав, — об этом свидетельствуют имена Романа и Давида — его двух сыновей, родившихся после Глеба на самом исходе 40-х гг. и ранее 1052/3 г., когда родился Олег. Они были названы христианскими именами Бориса и Глеба, что может настораживать: не следует ли здесь усматривать переход от родопочитания к культу подвижников, проявляющих черты святости? Но проще было бы принять, что подтверждается антропонимией в династии, что христианские имена, став благодаря их носителям княжьими, именно как таковые могли быть привлечены Святославом. Следует напомнить, что Юрий (Долгорукий) получил в качестве княжеского христианское имя своего прадеда Ярослава — Георгий, а его брат Андрей — крестильное имя своего деда Всеволода. Родопочитание Бориса-Романа и Глеба-Давида налицо, но нельзя целиком исключить и того, что тут появились первые ростки религиозного культа.

Внимание Святослава к своим погибшим дядьям содержит и политическую подоплеку: демонстрируя свое почитание, наследование их прав и их готовность покориться старшему брату, Святослав напоминает и о праве отмщения за обиды и гибель родичей. Ведь Владимир мстил Ярополку, убившему Олега (отсюда и имя Олега у одного из Святославичей), а Ярослав вооружился против убившего Бориса и Глеба Святополка.

Знаменательно, что со Святославом начинает соревноваться полоцкий Всеслав. Полоцкая ветвь выводилась от старшего сына Владимира, преждевременно умершего Изяслава († 1001). Выбирая для своих четырех сыновей княжеские и крестильные имена двух своих дедов, Всеслав придавал им тем самым роль покровителей «Рогволжьего племени». Не хотел ли Всеслав этим подчеркнуть их права на киевский стол? В именах сыновей Всеслав желал выразить программу полоцкого дома и необоснованность и неправомерность его «изгойства». Двое из них участвовали в бою на Немиге 3 марта 1067 г., а затем попали вместе с отцом в киевский поруб: следовательно, родились около 1050 г. В чрезвычайных обстоятельствах бегства Ярославичей, проявивших малодушие перед лицом половцев, в 1068 г. Всеслав был провозглашен киевским князем: тут несомненно учитывались его права внутри династии на киевский стол, наследование прав умерших родичей в общем владении Русской землей.

* * *

Примечательно, что среди сыновей самого Ярослава, родившихся в 20-е и 30-е гг. XI в., ни один не получил имени своих безвременно в 1015 г. погибших дядей, за смерть которых Ярослав с таким рвением мстил Святополку. Среди же его 15 известных нам внуков пятеро носили эти имена. Кроме Святослава к именам дядей прибегают младшие Ярославичи: родившийся в 1036 г. и умерший 20 лет от роду Вячеслав (Меркурий?) дал своему, по-видимому, единственному сыну имя Бориса (его крестильное имя неизвестно). Сын самого младшего Ярославича — Игоря, родившегося после 1036 г. и умершего в 1060 г., получил и крестильное, и княжье имя Давида. Изображения на его печатях, датируемых

временем политической активности Давида Игоревича (с 1080 по 1112 г.), свидетельствуют, что его небесным предстателем был царь-пророк Давид.[38] Следовательно, к исходу 1050-х гг. Глеб-Давид не воспринимался еще, по крайней мере церковью, как святой, во имя которого могли бы крестить княжеских сыновей. Итак, одно и то же имя имеет в виду двух покровителей: в княжьем быту князя Давида (Глеба), на небесах — царя-пророка Давида. Учитывая, что Давид Игоревич родился в последние годы жизни отца († 1060), такой выбор имени был ответом на переведение триархией Ярославичей своего младшего брата из Владимира в Смоленск и имел двойной смысл, связанный с судьбами обоих Давидов — и родного дяди, и библейского царя. Об обиде отца дядьями не забывал Давид Игоревич, упорно предъявляя и отстаивая свои права на Владимир (Волынский). В отличие от Святослава, Всеслава и младших Ярославичей, в семьях Изяслава и Всеволода родопочитание дядей не прослеживается в именах их сыновей, но они с усердием присоединяются к религиозному их почитанию в канун майских торжеств 1072 г. в Вышгороде.

* * *

Идея возрождения родопочитания в династии в ходе христианизации страны, введения этого родопочитания в присущее христианству русло поминовения усопших принадлежит времени правления Ярослава на Руси после 1036 г. Этому оживлению способствовал Ярослав в явном стремлении совокупить память об усопших князьях из разных ветвей династии Рюриковичей с намерением наследования всех прав усопших, дальних и близких родичей, в пользу своего племени. Вот почему Ярославичи сразу же подхватили и продолжили почин отца. В этом осеняемом благочестием памятовании покойных родичей не без основания в Полоцке увидели корыстную цель и в интересах «Рогволжьих внуков» последовали киевскому примеру, особенно ярко проявившемуся в отношении Бориса-Романа и Глеба-Давида. Впрочем, соревнование обеих ветвей династии в родопочитании наблюдалось и раньше. Как уже упоминалось, в 1024 г. Ярослав «перехватил» для своего сына имя покойного брата, полоцкого князя Изяслава, сын же последнего, Брячеслав, именует рожденного ок. 1030 г. сына Всеславом в честь своего умершего младенцем брата († 1003), дабы заявить права Брячеслава и его потомства на все полоцкое наследство.

Не желали мириться со своим изгойством и Ростиславичи. Из трех сыновей Ростислава Рюрик и Василько (от крестильного имени Владимира, уменьшительное связано с его рождением после смерти отца) своими именами явно заявляют о праве наследования в пределах родового права династии Рюриковичей. Но, в отличие от полоцких князей, они, заняв силою Приднестровье, не включались после 1072 г. в почитание ставших святыми своих родичей Бориса и Глеба. И даже, пожалуй, в противовес другим ветвям династии осмысленно не

---

[38] Янин В Л Актовые печати Древней Руси X—XV вв М , 1970 Т 1 С 171, 251

приняли в свой именослов ни их княжьих, ни крестильных имен.[39] Роль верноподданных, покорных, не смеющих противиться старшему князю-брату безропотных страдальцев была более чем чужда этим князьям в их беспощадной схватке за собственное наследственное княжение. Таким и стало Галицкое княжество, где Ростиславово племя и княжило до исхода XII в.

* * *

Родопочитание должно было способствовать династическому миру в пределах Ярославова племени. Еще более мощным фактором, крепящим единение, становился вызревший из недр родопочитания христианский культ родичей, признанных святыми. Когда же почитание Бориса и Глеба как родичей, их культ как членов династии перерастает в их культ как христианских подвижников?

Все это происходит на протяжении двух-трех десятилетий. Еще в 40-е гг. останки Бориса и Глеба покоятся под могильной насыпью вне церкви св. Василия. Учитывая сложившуюся уже в XI в. традицию княжеских захоронений внутри храма, преимущественно под его полом, захоронение вне церкви может показаться странным, но с таким нажимом подчеркнуто агиографом, что прекословить этому трудно, тем более что археологическими раскопками Десятинной церкви подтверждено одно княжье захоронение, примыкавшее извне к стене церкви.[40] Возможно, и в Вышгороде захоронения обоих братьев находились под землей под сенью огибавшей деревянный храм галереи.

В 1049 г., а вероятнее всего, в 1050 г., Иларион, провозглашая память и славу равноапостольному Владимиру, ни словом не обмолвился о Борисе и Глебе, хотя нашлось место и для славословия здравствующим Ярославу с супругой, детьми и внуками. Как же объяснить отсутствие всякого намека? Умолчание слишком веско, чтобы отказаться от признания его свидетельством того, что к тому времени Борис и Глеб не считались еще святыми. Но на 20 лет ранее возведения Изяславом Ярославичем однокупольной церкви в Вышгороде во имя святых Романа и Давида, т. е. примерно в 1051—1052 гг., Ярослав поставил пятикупольную церковь (имя ее не названо автором Сказания страсти), в которую и были перенесены гробы Бориса и Глеба, временно сохраняемые в часовне («храмине») на месте сгоревшей церкви св. Василия. Тогда-то и было установлено ежегодное совместное поминовение памяти погибших родичей 24 июля, в день кончины Бориса.[41] В скором времени оно начало приобретать черты

---

[39] Изгойство, т е потеря династических (Рюриковичи) прав на наследование, было следствием того, что отец Ростислава, князь новгородский Владимир, умер (1052) ранее своего отца Ярослава Мудрого († 1054) Как это ни странно, не только в XI—XII вв , но на протяжении нескольких столетий до XVI в в Приднестровье не строят храмов во имя святых князей-мучеников Они отсутствуют в древних святцах явно галицкого происхождения

[40] Каргер М К Княжеские погребения XI в в Десятинной церкви // Краткие сообщения Института истории материальной культуры М , Л , 1940 Вып 4 С 12—20

[41] Ср Сказание чудес // Абрамович Д И Жития С 54—55

празднования памяти святым. Династическое родопочитание перерождалось в почитание святых родичей и как таковое уже описано сразу же после того, как их путь во святость был официально подтвержден 20 мая 1072 г.[42]

Майский съезд 1072 г. церковных иерархов и Ярославичей в Вышгороде подтвердил их признанную церковью святость. К 1115 г. первоначальная династическая замкнутость почитания святых князей была уже полностью преодолена, и оно стало достоянием всей христианской Руси.

* * *

Путь, пройденный от начала родопочитания погибших князей до постижения, а затем и официального признания их святости, нам неизвестен, — так туманен, неопределен и противоречив он в сопоставлении показаний. Да и предположение, что исходный момент все же пришелся на последние годы правления Ярослава (1051—1053) при соучастии в нем митрополита Илариона, отрешенного затем от святительства с вытекающими из этого акта последствиями, — всего лишь смелая и недостаточно обоснованная догадка.

Для неожиданного почина князя и митрополита не было ни повода, ни необходимости. Культ Бориса и Глеба вызревал в недрах родопочитания, но уже в присущих христианству, его служителям и верующим условиях церковного поминовения и памятования.[43] Их добродетели, овеянные преданием об их поведении перед лицом насильственной смерти, не могли не открывать пути истолкованию образа их действий в категориях, присущих христианству, духовности, вере и нравственности, ставимых христианам в пример. Сам факт их тайного убийства, лишившего их возможности защищаться, сопоставленный с выраженной готовностью отказаться от завещанного им стола и не противоборствовать старшему брату, возводил их в ту высшую степень христианского вероисповедания, которая требует засвидетельствования не только на словах, но и на деле. В новообращенной стране такое поведение, с течением обстоятельств и времени идеализированное, не могло не вызывать сопоставлений с примерами из истории христианства, не ассоциироваться с последованием Христу, с мученичеством Христа ради, наконец, с предстательством перед лицом Вышнего. Понятно, не обошлось без участия книжников и священства, рвения князей-родичей, в первую очередь жаждущих освятить всю династию вышедшими из ее рядов святыми. Для младших князей, осознавших необходимость подчинения старшим, но и опасавшихся злоупотребления властью с их стороны, образы их безвинно погибших родичей, отказавшихся от сопротивления и признавших власть старшего брата как отцовскую, были особенно притягательны своим христианским восприятием сущности человека, своим не-

---

[42] О характере вышгородских торжеств см.: Поппэ А. О зарождении... С. 45—56.

[43] О памятовании на Руси см.: Steindorf L. Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. 294 p., с заслуживающими внимания рецензиями: Lind J. // Russia Mediaevalis. 1997. N 9-1. P. 193—196; Скрынников Р. Г., Алексеев А. И. // Отечественная история. 1997. № 2. С. 201—203.

обычным для князя-властителя проявлением идеала святости. Тут лишними становились всякие натяжки; сохраненное о них предание, восстанавливавшее стершиеся подробности и придававшее им христианский смысл, наиболее естественным путем превращало родовой культ в религиозное почитание новоявленных святых. Ведь для христианина того времени разумелось само собою, что Борис и Глеб изначально, с момента своей мученической кончины приобрели ту святость, которая лишь со временем становилась откровением на земле. И это воспринималось тем естественнее, что Борис и Глеб были не страдальцами за какие-то политические идеалы, но мучениками за следование вере Христовой в политике, требующей от исповедующих ее следования ей, воплощения ее на деле.[44] Совершенный образец становится эталоном в измерении человеческого несовершенства.

Так завершился круг: борьба за киевский стол и сопутствующее ей злодеяние видоизменились со временем в предание, освятившее деяния двух князей, признанных страстотерпцами Христа ради, защитниками земли Русской, и поставленных на Руси рядом с отцом Владимиром как «начальницы святому крещению, яко апостоли».[45]

* * *

Мы проследили самый темный — бесписьменный период в судьбах Бориса и Глеба и их культа от крушения плана византинизации престолонаследия на Руси по 1072 г., когда почитание святых князей становится освященной церковью реальностью.

В воскресный день 20 мая с участием трех Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода — и пяти архиереев, возглавляемых митрополитом киевским Георгием, значительного числа игуменов не только киевских монастырей с названным первым Феодосием Печерским состоялось перенесение рак с мощами святых князей в новую, построенную Изяславом церковь.[46] Но этим не исчерпывается содержание случившегося в тот день. Тогда же была засвидетельствована нетленность мощей и их благоухание. При перекладывании из деревянной в каменную раку мощей Бориса присутствующие приложились к голове Бориса. Затем митрополит благословил князей кистью руки св. Глеба, чем воспользовался Святослав и придержал руку архиерея, прикладывая мощи святого к нарыву на шее, глазам и темени, надеясь на избавление от болезни. Застрявший в волосах князя ноготь святого был признан знаком особого благоволения. После 27 декабря 1076 г., когда Святослав скончался, происшедшее перестало быть существенным (Нестор упомянул вскользь, его целиком пропустил летописец). Это позволяет считать, что описание вышгородских торжеств было составлено вскоре после события. Отсутствие в первой части Сказания чудес

---

[44] Что и подчеркнул около 1080 г. автор древнейшей Службы: «деломь и словомь показавъшася и победьныи веньць от Бога приимъша, славьная» (Абрамович Д. И. Жития... С. 141).

[45] Летописец Переяславля Суздальского // ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 43.

[46] Сказание чудес // Абрамович Д. И. Жития... С. 55—56.

упоминания о начале строительства Святославом каменного храма, посвященного святым дядьям в 1074 г., упоминание Феодосия Печерского как здравствующего († 3 мая 1074) тоже указывают на 1072—1073 гг. как время его составления.

Отмеченные автором Сказания чудес сомнения митрополита Георгия в святости Бориса и Глеба следует отнести к присущей ему по должности двойственной роли в церемонии подтверждения святости князей-мучеников. Процедурный характер скепсиса митрополита сказывается и в том, что одновременно с перенесением святых мощей он освящал новопостроенную церковь во имя святых мучеников Романа и Давида. Это явствует из четко проводимого и отраженного в Сказании чудес решения прославить святых князей под их крестильными именами. Это не был отнюдь греческо-русский спор, а лишь точка зрения церковных властей, имевших полное основание считать, что введенные в сонм святых за свой христианский подвиг князья должны выступать под своими христианскими именами. Однако под влиянием повседневности эта тенденция не была проведена последовательно. Тут проявилось стремление местного христианства, вскоре возобладавшее, получить собственных святых под их обычными именами. Победила в конце концов жизнь. Это видно уже из Чтения Нестора, столь последовательного в восприятии византийских агиографических образцов, но тут настоятельно проводившего точку зрения, обогащающую христианский мир новыми именами святых.

Итак, после майских событий 1072 г. начался письменный период почитания Бориса и Глеба. В посвященном им Сказании чудес они предстают новоявленными святыми Романом и Давидом. К этому-то времени, кануну вышгородской церемонии 20 мая 1072 г., вводящей князей-мучеников в круг признанных церковью святых, следует отнести и само составление Сказания страсти. Оно лишено датирующих примет, в нем лишь указано, что перенесение останков Глеба со смоленской Смядыни в Вышгород состоялось после того, как Ярослав «прея вьсю волость Русьскую», т. е. после смерти Мстислава Черниговского в 1036 г. Из введения же в Сказание чудес следует, что после совместного захоронения обоих погибших князей в Вышгороде прошло некоторое время, прежде чем «их же прославил Бог премногою благодатью и чудесы», и многие узнали, что святые мученики были похоронены в Вышгороде. Поэтому-то та часть Сказания чудес, которая относит прославление Бориса и Глеба ко времени архиерейства митрополита Иоанна, законченного за несколько лет до 1036 г., находится в явном противоречии с изложением самого Сказания страсти. Начало прославления приходится, скорее всего, на 1060-е гг.; зарождение не родопочитания, а культа Бориса и Глеба как святых с трудом можно бы отнести к исходу правления Ярослава. Возникает вопрос, что когда в канун причтения Бориса и Глеба к лику святых составлялось Сказание страсти, не слился ли период их родопочитания с постепенно осознаваемым их христианским подвигом. Ежегодно поминая их память, со временем начинали чествовать их как ставших достойными святости. Установление «годины» поминовения, ежегодного памятования братьев в связи с оживленным Ярославом почитанием родичей с привнесением христианского начала в это родопочита-

ние можно приписать совместным действиям Ярослава и сидевшего до октября 1052 г. в Вышгороде Святослава. В канун же 1072 г., когда в восприятии все эти события сливались воедино, почитание Бориса и Глеба как святых, обращенное к прошлому, включило события, связанные с их династическим родопочитанием. И все связанные с последним факты, как захоронение Глеба рядом с Борисом в Вышгороде, временная постройка на месте сгоревшего храма и воздвижение Ярославом пятикупольной церкви как подобающей князьям усыпальницы, установление дня их совместного ежегодного поминовения 24 июля, засвидетельствование в мае 1072 г. их святости, воспринимались как один процесс их земной явленности как святых.

Литературные образцы позволили придать этому процессу хронологическую протяженность. После пожара церкви св. Василия, у которой захоронены были гробы Бориса и Глеба, Ярослав поставил пятиверхую церковь, вероятнее всего, во имя святых патронов погибших, т. е. св. Романа Сладкопевца и св. Давида, царя и пророка, куда и были перенесены останки князей. Таким образом становится понятным, почему всего лишь в 1072 г. останки Бориса были из деревянной раки переложены в каменный саркофаг, подобный Глебову. По-видимому, когда после пожара церкви св. Василия около 1052 г. (т. е. ко времени построения пятиверхого храма, за 20 лет до воздвижения в 1072 г. деревянной церкви Изяславом) выкапывали из земли гробы обоих братьев, деревянная рака Бориса была в состоянии, не требующем замены, либо была заменена на новую деревянную. Ведь тогда заново хоронили родичей, создавая условия для достойного их ежегодного поминания, без мысли прославления их святыми. И именно в этой пятиверхой церкви, где каждого 24 июля собирались поминать их память, и вызревало признание их святыми.

* * *

Тогда как своими литературными эпизодами Сказание чудес клонит к раннему зарождению культа святых, то замыкающая Сказание страсти похвала не столько своими общими местами, прославляющими дар чудотворения князей-мучеников, сколько упоминанием построек церквей в их имя на местах их гибели, т. е. на Льте и на Смядыни, приводит в недоумение, ибо церкви можно ставить и посвящать во имя святых, признанных церковью. В данном случае такие храмы могли воздвигаться лишь начиная с 20 мая 1072 г. И, вероятно, сразу же после этого на местах их гибели и были воздвигнуты деревянные церковки «во имя ею».[47]

В Сказании чудес кроме нескольких деталей, явно указывающих на близость текста 1072 г., содержится одна существенная для датирования всего текста частность: покой погребенных под землей вне церкви нарушают варяги: ноги одного из них, ступившего на могилу, обжег исшедший из нее огонь. Этих варягов, не

[47] Маленькие деревянные церковки строили на Руси в один день, а монтаж небольших храмов из заранее подогнанных бревен («полуфабрикаты» продавались на киевском торгу в XII—XIII вв., а быть может, и ранее) занимал несколько дней.

22 Зак. 4355

уверовавших до того в чудесные явления над могилой святых князей, автор Службы в литургическом песнопении запросто заменил более удобопонятными «нечистыми», «нечестивыми», т е. неправоверными.[48] Таковыми после 1054 г. в церковных и монастырских кругах — не только Византии, но и на Руси — начали признавать исповедовавших веру латинскую «от Рима», называя ее на Руси в XI—XII вв. также варяжской. Этот эпизод заставляет нас обратиться к Сказанию страсти, где св. Бориса добивают варяги. В обоих случаях просматривается желание отметить, что в убиении Бориса и Глеба повинны не правоверные христиане, а «кривоверные» варяги.[49] Эти, казалось бы, несущественные и недосказанные подробности, возникшие под влиянием осознания, что вера варяжская, латинская «маломь с нами развращена», могли появиться в Киеве спустя некоторое время после «раскола» 1054 г. Следовательно, учитывая доселе сказанное, Сказание страсти могло быть составлено не ранее 1060-х гг., вероятнее всего, в ходе подготовки вышгородских церковных торжеств 1072 г., согласованной триархией Ярославичей после возвращения Изяслава в Киев в 1069 г. и его оставшихся безуспешными попыток 1069—1070 гг. лишить Всеслава Полоцка. Противоречить этому могло бы то, что в замыкающей Сказание страсти похвале отмечается, что «на месте, идеже мученичьскыимь веньцьмь увязостася, създане быста цьрькви в имя ею»,[50] т. е. говорится о постройке двух церквей: на Смядыни, где погиб Глеб, и Льте, где погиб Борис, что могло произойти только после 20 мая 1072 г., когда именно и могли начать строить храмы во имя новопризнанных святых. Возможность поставить эти две церкви в первом порыве почитания святых родичей еще летом того же года ослабляет возражения против датировки также и похвалы 1072—1073 гг.

Однако затруднительность исчерпывающего ответа в том, что рукописная традиция Сказания восходит к его полному тексту, т. е. вмещающему кроме собственно Сказания страсти, составленного вскоре после 1072 г., и Сказание чудес, продолженное после перенесения в новый каменный храм в Вышгороде 2 мая 1115 г. Разбор обширного рукописного наследия Сказания подтверждает, что все сохраненные тексты Сказания, независимо от того, ограничиваются ли они Сказанием страсти (Чудовская редакция) или доходят в каком-либо ином сокращенном виде до Сказания чудес, — восходят к полной (Успенской) редакции, составленной уже после 1115 г., вероятно, в 1117 г.[51] Это имело и свои тек-

---

[48] Сказание страсти «придоша единою варязи < > единъ въступи, том часе огнь ишьд от гроба и зажьже нозе его», Чтение Нестора «приходяще < > варязи < > и се един от них не веды возиде на святую ишедыи пламы опали ему нозе», Служба «нечистаго вьрху стояща над гробомь ваю, страхомь огньныимь отгьнаста, блаженная» (А б р а м о в и ч Д И Жития С 16, 53, 143) Ср также выше примеч 29

[49] Сказание страсти // А б р а м о в и ч Д И Жития С 37, Лаврентьевская летопись Стб 134

[50] Сказание страсти // А б р а м о в и ч Д И Жития С 49

[51] Основное изучение рукописной традиции борисоглебских памятников запечатлел должно не оцененный неизданный труд С А Бугославского (завершил в 1939/40 г), опубликовавшего тексты частично в киевском издании 1928 г Новую попытку обзора рукописей предприняла Дж Ревелли, см R e v e l l i G Monumenti Literari su Boris e Gleb Genova, 1993 706 p Рец см T h o m s o n Fr // Ricerche Slavistiche Roma, 1994 41 P 329—336

стологические последствия в признавании всего Сказания сочинением, составленным в один прием после 1115 г. на основании летописной статьи 1015 г. и жития святых (Чтения) пера Нестора-агиографа. А так как такое толкование не дает ответа на возникающие из сопоставления указанных текстов вопросы, то предполагается существование исчезнувших первоисточников, которые полнее всего сохранило Сказание. Относя же составление Сказания страсти и Сказания чудес к 1072—1073 гг. и его продолжения, охватившего время от начала постройки каменного мавзолея-храма во имя святых мучеников Бориса и Глеба в 1074 г. вплоть до его завершения и перенесения саркофагов с их мощами 2 мая 1115 г., к времени вслед за перенесением мощей, нет необходимости ссылаться на утраченные первоисточники. Нестор-агиограф, трудившийся над житием святых князей (Чтение о житии и погублении и о чудесах...), составляя свой труд около 1080 г., перерабатывал для своих нужд Сказание страсти и Сказание чудес, добавляя от себя лишь чудо с заключенными, позднее привлеченное и измененное вторым автором Сказания чудес, работавшим вскоре после 1115 г. Знаменательной чертой Несторова Чтения было подчеркнутое чествование святых мучеников под их княжьими именами как уже христианскими именами новоявленных святых Однако работавший после него в начале 1080-х гг автор (вероятно, митрополит Иоанн II Продром) Службы святым[52] придерживается, вслед за своим основным источником — Сказанием чудес, их крестильных имен как имен, под которыми святые князья были прославлены, хотя ему известно было Несторово Чтение и выраженная там точка зрения.

Не утратившая своего агиографического характера летописная статья 1015 г. об убиении Бориса и Глеба передает с сокращениями Сказание страсти, но что интересно: помимо знакомства с завершающей его похвалой летописец сочиняет свою похвалу святым, нарочито выдвигающую религиозно-политические акценты в почитании князей-страстотерпцев.[53] Летописная статья 1072 г. целиком зависит от соответствующего текста в Сказании чудес, она сокращает его применительно к условиям своего времени, т. е. исхода XI—начала XII в., во всяком случае, она была отредактирована до перенесения мощей святых в новый каменный храм, а вероятно, и до его завершения в 1111 г. Заключавшая в себе 44 песнопения, древнейшая Служба, составленная в 80-е гг. XI в., была дополнена 21 литургической песней ко времени перенесения рак с мощами святых князей в каменный вышгородский храм 2 мая 1115 г. В таком составе, с некоторыми сокращениями и несущественными дополнениями, она сохранилась в нескольких десятках рукописей и присутствовала в литургическом обиходе последующих столетий.

Торжества 1115 г. являются как бы последним стимулом составления посвященных святым Борису и Глебу произведений. В дальнейшем почитании свя-

---

[52] Древнейшую Службу и последующие версии XII в издал Д И Абрамович (см Абрамович Д И Жития С 136—150) Характеристику содержания см Lenhoff G The Martyred Princes Boris and Gleb A Socio-cultural Study of the Cult and the Texts Columbus, Ohio, 1989 P 55—71 Датировка древнейшей Службы Поппэ А О зарождении С 31—45

[53] Лаврентьевская летопись Стб 137—139 (похвала), 181—182 (статья 1072 г)

тых господствуют составленные в пределах между 1072—1115/17 гг. тексты: Сказание (свыше 180 рукописей), Чтение (около 30 рукописей), летописные статьи 1015, 1072, 1115 гг. в составе всех сводов, вместивших Повесть временных лет, с меньшими или большими видоизменениями. Составленная для литургических нужд Служба святым Борису и Глебу передавалась, главным образом, в составе служебных месячных миней. Разновидные отрывки этих часто сокращенных и усеченных произведений учитывались начиная с XII в. в прологах (синаксарях), а также в паремейных небиблейских чтениях о Борисе и Глебе.[54]

* * *

Из всего выше представленного вырисовываются особенности вызревания почитания святых Бориса и Глеба.[55]

Культу святых страстотерпцев изначально присущ миротворческий настрой и в личных отношениях взаимосогласия и взаимопрощения обид, и в общественном масштабе межкняжеских отношений в пределах русских земель и их защиты от нашествий поганых. При обращении к обоим житиям, вышедшим из-под пера Нестора-агиографа, монаха Печерской обители, видно, какое существенное значение приписывали миротворчеству и сам Феодосий Печерский, и проникнутый этой идеей монастырь. Укоряя в 1073 г. Святослава за захват стола старшего брата, Феодосий требовал беспрекословного восстановления Изяслава в его правах, согласно завещанию их отца Ярослава. Даже если писавший 12 лет спустя Житие святого мужа Нестор представил его более неуступчивым, чем это было в действительности, учитывая текущие нужды монастыря, то тем не менее это в своей основе достоверное показание отражает полностью ту общественно-политическую атмосферу, в которой в 1060-е и 1070-е гг. вызревал культ святых князей-мучеников. Сопоставляя Сказание и Чтение, можно заметить, что с 1072 по 1080 г., когда писал Нестор, был решительно сдвинут акцент на послушание старейшему. Нестор-агиограф превозносит послушание Бориса и Глеба Святополку, ставя в достойный последования пример: «Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая к стареишу брату. Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чюдесному сподоблена от Бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющеся стареишим и супротивящеся им, и убиваемы суть: ти не суть такои благодати сподоблени, яко же святая сия».[56] И в Сказании превозносится отказ братьев-князей от власти во имя безусловного следования принципам евангель-

---

[54] По родословной все паремейные чтения восходят к основному комплексу борисоглебской эпопеи (1072—1115), но «грешат» весьма существеными культурно-историческими особенностями, важными для наблюдений над историей культа святых князей Небанальное историческое осмысление этих паремей предложил Б А Успенский (Успенский Б А Борис и Глеб восприятие истории в древней Руси М , 2000 122 с)

[55] Об отражении их культа в иконографии готовит исследование известный искусствовед Э С Смирнова

[56] Нестор Чтение // Абрамович Д И Жития. С 25

ского вероучения; он ставился «пред очима» прежде всего всем Рюриковичам как образец поведения с прямой ссылкой на Первое послание апостола Иоанна: «...иже рече: Бога люблю, а брата своего ненавидить, лъжь есть».[57] Но борисоглебский культ сохранял право противостояния в защиту слабого, если старший, власть предержащий, злоупотребит своими правами. Более четко, чем Нестор, излагает право сопротивления летописец, призывая устами Ярослава самого Господа Бога: «...не я почах избивати братью, но он, да будет отместьник Бог крове братья моея зане без вины пролья кровь Борисову и Глебову праведною».[58] Не случайно когда-то в XII—XIII вв. этот летописный фрагмент был введен в текст анонимного Сказания.

Повиновение в отношении старейших, т. е. признание иерархического строения в обществе и в самой властвующей им династии, которому сопутствует право сопротивления неправой силе и власти, в культе святых князей-мучеников сопряжено с основными ценностями христианского вероучения и адресовано в первую очередь князьям как власть имущим.

Уходя от земной бренности, князья-страстотерпцы не покидают ее, они остаются среди соплеменников как святые чудотворцы, дабы предстательствовать перед Богом о них всех без исключения. Они миротворят, но и своим обоюдоострым мечом пресекают «усобничьныя брани» и «дерзость поганьскую» и, как «заборола», ограждают «землю Русьскую» от нападений иноверных.

Сплетение религиозных и политических мотивов проникало созидаемое строение древнерусской по своим внешним приметам, средневековой по своей внутренней ткани набожности, создавая простор многогранному почитанию святых Бориса и Глеба с достойным резонансом во всех слоях населения.

* * *

С большой силой убедительности в общественное сознание проникало воззрение, что принесенная неповинными князьями жертва выражает суть религиозно-нравственной устремленности и преображения христианизирующейся Руси. Проповедник, обращаясь к собравшимся в Черниговском Борисоглебском храме около 1170 г., мог громогласно требовать: «Образумьтесь, князья! Вы, сопротивляющиеся своим старшим братьям, подымающие вражду и наводящие поганых на своих братьев; [образумьтесь] пока не обличил вас Бог на Страшном судилище. [Вам известно] что святые Борис и Глеб вытерпели от брата своего старшего; не только лишения власти, но и жизни <...> Великим чудотворцам Борису и Глебу подражайте и следуйте, их примером научайтесь! Если сатана посеет вражду между братьями, вспомните этих святых, — как предпочли они воспринять смерть, нежели враждовать. Кто из вас обиду

---

[57] Там же С 30

[58] Лаврентьевская летопись Стб 141, ср Сказание страсти // Абрамович Д И Жития С 44—46

стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду получит от Бога».[59] Не случайно именно в вышгородской святыне у рак святых князей-родичей встречались и мирились враждующие между собой князья.

Когда в 1139 г. Всеволод Ольгович, в то время князь киевский, злоупотребляя своим старейшинством, решил лишить князя Андрея Владимировича его переяславского удела и перевести в Курск, тот, согласовав со своей дружиной, заявил ему: «...отець мои Курське не седел, но в Переяславли. И хочу на своеи отчине смерть прияти, оже ти брате не досыти всю землю Русскую держаще, а хочешь и сеи волости; а убив мене тобе то волость, а жив не иду из своее волости. Обаче не дивно нашему роду; тако и прежде было же: Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба, а сам ци долго поживе?».[60]

В привлеченных тут свидетельствах подняты сугубо политические вопросы, относящиеся в первую очередь к межкняжеским отношениям, имеющим, однако, далеко идущие последствия в общественной жизни на Руси. Но не следует воспринимать эти выдержки в смысле так распространенного в наши времена религиозного политиканства. Средневековый христианин был в принципе чужд приноравливания нравственных принципов христианского вероучения к актуальным политическим нуждам. Из усвоения веры в то, что Невидимое, Божественное проникает во все области видимого мира, бытия, из сознания собственного несовершенства и вырастали религиозные нужды новопросвещенного общества. В отношении к насущным вопросам общественного быта эта искренняя религиозность, устремленная ко благу, была по сути политической. И именно поведение князя Андрея Владимировича, выраженное его же словами, ярко иллюстрирует суть политической религиозности древнерусского христианина.

Из осознания погрязания человека во тьме собственных пороков вызревала внутренняя необходимость в сношениях с Божественным искать посредничества, покровительства и заступничества достигнувших блага святых. И кто же мог в восприятии средневекового христианина предстательствовать перед Богом за земляков лучше знающих свою страну святых? Религиозность, в первую очередь общественных верхов на Руси, чеканила разнообразные византийские образцы, в том числе выдвигавшие на первый план государственное и церковное начала. И понятно, в княжеской среде обретение собственных святых понималось прежде всего в этом плане. Но под влиянием тех же династических императивов почитание святым Владимира медленно пролагало себе свой собственный путь, тогда как культ святых Бориса и Глеба, вызревавший в обстановке родовой династической религиозности, быстро вышел за ее пределы чувственностью восприятия, спонтанностью благоговения, предчувствием ниспосылаемой Богом по их ходатайству благодати, он быстро стал достоянием и «княженецкой», и сермяжной Руси. Ярким тому подтверждением были майские торжества 1115 г. в Вышгороде, когда в течение не менее чем трех суток в

---

[59] Слово о князьях // ПЛДР [XII в.]. М., 1980. С. 338—339.

[60] Лаврентьевская летопись. Стб. 307; Ипатьевская летопись. Стб. 305.

непрестанном шествии «богатии и убозии, съдравии же и болящии», более десятка тысяч паломников «течаху ко святыима ракома, да быша достоини были прикоснутися».[61]

* * *

Сопряжение политического мотива с беззаветной, пламенной верой присутствовало в почитании святых Бориса и Глеба настолько естественно, что не раз, как указывалось выше, отмечалось в древнерусской письменности. Понимал это и летописец: подводя итоги торжественному перенесению гробов князей-мучеников 2 мая 1115 г. в новый каменный храм в Вышгороде, он так охарактеризовал святых: «...иже еста похвала [тут в смысле честь и слава] князем нашим и заступника земли Русцѣи, иже славу свѣта сего попраста, а Христа излюбиста, по стопам его изволиста шествовати, <...> ни противистася, ни отбѣжаста нужныя [т. е. насильственной] смерти. Тѣм же и с Христом воцаристася...».[62]

Но в историографии XX столетия прочно утвердилось мнение, что оба князя не могут рассматриваться как мученики ради Христа либо ради веры, так как они стали святыми по политическим причинам, не имевшим отношения к их вероисповеданию: их подвиг состоял лишь в непротивлении насилию и смерти. Борис и Глеб были якобы зачинателями «парадоксального чина русских святых страстотерпцев».[63] Это заключение — результат модернизации восприятия мировоззрения и миропонимания средневекового христианина. В агиологии нашего времени досадно то, что, обращая внимание на политический факт гибели Бориса и Глеба, игнорируют религиозное мышление и осмысление того, что стало известно древнерусскому христианину уже в XI—XII столетиях и позволяло ему воспринимать подвиг святых князей как последование Христу вплоть до страдания во имя Христа за веру, проявленную не только на словах, но в своих поступках, на деле. Именно такой подход свидетельствует, как формировалась христианская религиозность на Руси, не случайно усматривающая

---

[61] Сказание чудес // Абрамович Д И Жития С 65

[62] Ипатьевская летопись Стб 281—282

[63] Это мнение принадлежит выдающимся исследователям русской религиозной и церковной жизни Е Е Голубинскому и Г П Федотову, а за ними повторяемо многократно См Федотов Г П Святые Древней Руси Париж, 1931 С 30, Fedotov G P The Russian Religious Mind Cambridge, Mass , 1946 Vol 1 P 104—105 Попытка приписать слову «страстотерпец» какое-то особое для русского христианства значение покоится на отрыве от его основного и первоначального смысла подражания страстям Христовым (Christi imitatio) Если даже писали и говорили в сокращении «страстотерпец», то всегда мыслился «страстотерпец во (о) Христе», «страстотерпец Христов», поборник, последователь Христа (athleta Christi), подражатель Христу в его крестных страданиях В мире средневекового христианина Борис и Глеб всегда и только воспринимались Христовыми страстотерпцами Потеря осязания смысловой связи обоих слов началась в новое время вплоть до «омирщения» страстотерпца На тезис Голубинского и Федотова влиять должно было и то, что при буквальном восприятии письменной традиции получалось, что канонизация Бориса и Глеба состоялась сразу же после перенятия власти Ярославом в 1019 г , г е на осмысление гибели обоих князей как подвига и вызревание их почитания не хватало должного времени

в пролитой крови князей-мучеников свидетельство принадлежности Руси к христианству, дабы их самих определить как апостолов — «основоположников святому крещению». Прослеживая выявление святости Бориса и Глеба на протяжении столетия от их кончины, можно наблюдать те духовные, общественные, все еще элитарные преображения, которые заключает в себе понятие христианизации страны.

В быту могло быть по-разному. И Борис, и Глеб были жертвами политического, больше даже, — государственного, обоснованного интересами династии Рюриковичей преступления. Его обстоятельства канули в небытие, но тайное убийство Бориса и Глеба способствовало вызреванию того религиозного восприятия их поведения, которое свидетельствовало об их следовании заповедям христианства и жертвенном последовании Христу. И эта духовная, вызревавшая в религиозных исканиях очевидность стала той исторической реальностью, в которой Борис и Глеб явятся носителями христианских добродетелей, мучениками Христа ради — ради воплощения евангельского учения на Руси на деле. Это их прямой ответ на предъявленное христианам требование апостола Иоанна познания Бога не языком, но делом и истиной. Этот их подвиг становился в вызревании набожности древнерусского человека, его политической религиозности — и в первую очередь киевских общественных верхов — истинной основой их христианского мироощущения.

Поиски ответа на волнующий современного исследователя вопрос, как оно было в действительности, заслуживает всяческого внимания для понимания обстоятельств, приведших к государственному злодеянию. Но и следует помнить, что в исторической перспективе не оно само, но его религиозное осмысление влияло не только на духовную, но и общественно-политическую жизнь страны.

И можно утверждать, что сама суть культа святых князей-мучеников, его проявления и общественный охват вышли далеко за пределы намерений и ожиданий той княжеской среды, которая пеклась о причтении к лику святых своих погибших родичей. И это ощущал уже Нестор-агиограф, определяя подвиг братьев как завершение дела их отца: Владимир вывел «людей русьских» из мрака язычества и открыл им новый путь, но только Борис и Глеб своими покорностью и жертвенностью, кровно соучаствуя в страданиях Христа, доказали, что благая евангельская весть преобразует человеческую жизнь.